

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ОТДЕЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ИСКУССТВ
ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ НАН БЕЛАРУСИ
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФОНД ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

ФРАНЦИСК СКОРИНА И ЕГО ВРЕМЯ. 500-ЛЕТИЕ БЕЛОРУССКОГО И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Материалы
Международной научной конференции
Минск, 30 ноября – 2 декабря 2017 г.

Минск
“Право и экономика”
2017

“Камсамольскае юнацтва” (словы Н. Алтухова і музыка І. Лучанка) выкарыстаны аўтарам у супрацьлеглым ідэі песні сэнсе для характарыстыкі простага народа. Пафас кампазіцыі па-юнацку ўзнёслы, скіраваны на плённую працу, пераадоўванне любых цяжкасцей на шляху, выказванне пратэсту эпікурэйству. Выкарыстанне фразы па-за межамі кантэксту стварае ўражанне бязмежнай прагі чалавечай прыроды да спахывы.

Крык душы Казько-чалавека, -пісьменніка па знявечанай радыяактыўным чарнобыльскім выбухам прыродзе гучыць у наступных радках: “Зямля, што з табой сатварылі твае дабрадзецелі і карміцелі! Белая святая зямля пад белымі крыламі тваіх боскіх птушак-буслоў, як ты перавярнулася ў год тысячагоддзя пасля прыняцця крыжа” [2, с. 64]. Дадзены ўрываек змяшчае ў сабе літаратурную алюзію на знакаміты твор У. Караткевіча “Зямля пад белымі крыламі” і гістарычную алюзію на наступствы аварыі на ЧАЭС.

Біблейскі сімвал вялікай катастрофы актуалізаваўся пасля трагічных падзей на ЧАЭС. Катастрафічныя маштабы людскай памылкі гучным рэхам адбіліся ў шматлікіх творах мастацтва. Біблейская алюзія падаецца ў наступных радках: “Прыйшла, упала зорка Палын, і ты ўжо больш не белая. Ты сёння чорная на ўсё наступнае тысячагоддзе” [2, с. 64].

Для аповесці В. Казько “Выратуй і памілуй нас, чорны бусел!” характэрна ўжыванне біблейскіх, гістарычных алюзій, літаратурных цытат, якія надаюць твору іранічы падтэкст, знакавую вобразнасць, ствараюць адметны каларыт часу, у якім разгортваюцца падзеі.

Спіс літаратуры

1. Давыдоўская, Н. Вобраз мадонны ў прозе Івана Шамякіна і Віктара Казько. На матэрыяле аповесцяў “Палеская мадонна” і “Выратуй і памілуй нас, чорны бусел!” / Н. Давыдоўская // Роднае слова. – 2009. – № 12. – С. 27 – 29.
2. Казько, В. Выратуй і памілуй нас, чорны бусел! : аповесці, апавяданні, эсэ. / В. Казько. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 319 с.
3. Тарасава, Т.М. Сімволіка-міфалагічныя коды аповесці “Выратуй і памілуй нас, чорны бусел!” Віктара Казько / Т. М. Тарасава // Роднае слова. – 2009. – № 12. – С. 18 – 22.

Т. В. Божко (Беларусь)

БАРОЧНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ ЛАТИНОЯЗЫЧНЫХ ПАНЕГИРИКОВ XVII ВЕКА

Создание и функционирование латиноязычных панегириков в XVII в. было обусловлено определенной действительностью, эмоциональной, интеллектуальной атмосферой, а также риторико-литературной традицией того времени, которые были объединены общим знаменателем – стилем барокко. Если учесть «своеобразную атектоничность» (т.е. открытость формы) барокко, которая позволяет выделять типы барокко, например, иезуитское, контрреформационное и пр. [5, с. 25], то в настоящей статье мы предлагаем выделить сарматское барокко. Оно ха-

рактируется вхождением сарматских концепций и принципов в духовно-материальный мир речипосполитовской шляхты. Ментальность, способы жизни, реализация вариантов культурных интересов шляхты образовывали своего рода моральный кодекс сарматизма, основными главами которого были: ориентация на традицию, религиозность, защита христианства и Родины, служение королю, государству, семье.

Словесное искусство, будучи явлением эстетическим, возникает там, где изобразительность не превращается в самоцель, а становится средством выражения определенных идей. Художественный образ – оружие писателя в борьбе за идеал, с его помощью он защищает прекрасное, эмоционально воздействует на читателя, воспитывает его эстетически. На наш взгляд идеи сарматского барокко лежат в основе художественной идейности и образности латиноязычных панегириков, на страницах которых авторы создали образ человека, соответствующего культурному канону того времени общества. Утверждается идеал трудолюбивого, энергичного, религиозного, любознательного, образованного человека, патриота своей страны и веры. Панегирики становятся убедительным способом распространения и закрепления определенного морального идеала человека, созданного на основе прославляемых добродетелей. Значение морального идеала для общества заключается в том, что он, реализуя воспитательные цели, выступает в качестве побудительной силы, мотива самовоспитания, как пример для подражания. Без моральных идеалов воспитательная деятельность была бы лишена всякого смысла [3, с. 13].

Художественный образ героя в панегирике сопряжен с барочной концептуальностью человека в его связи с Богом и миром. Человек в миропредставлении эпохи Барокко дополнял оппозицию: «Бог – мир, утверждался на земле, уповая на Спасителя и спасаясь от зла искупительной жертвой» [12, с. 86]. В барочных панегириках жизнеутверждение героя фиксировалось посредством перечисления занимаемых должностей и титулов, предков и потомков, благородных и героических поступков, за их же счет происходило своего рода искупление и оправдание его перед Богом и обществом, обосновывалась справедливость: почему герой достоин вечной жизни. В таком ключе небо и земля были не только пространственными мирами, где человек мог жить и, будучи *homo peregrinus*, передвигаться, но и нравственными мерилami [12, с. 87]. Реконструкция иерархий добродетелей, которыми наделялся панегирический герой, соответствовала системе мировидения человека эпохи Барокко, его отношению к жизни и «последним вещам» – смерти, посмертному суду, воздаянию. Заслуги рассматривались как ступени лестницы ведущей прямо в небо к небесному бессмертию. Проблема различия небесного блаженства в зависимости от заслуг была одной из основных в литературе учительного жанра в эпоху барокко: «Души тех, кто после крещения не испачкал себя никаким грехом, а также тех, кто грехом испачкался, но был очищен <...> бывают сразу приняты на небо и созерцают самого Бога в Троице Единого в зависимости от разных заслуг, одни совершеннее чем другие» [7, с. 28 – 29]. Следовательно, небесная жизнь, счастье и блаженство напрямую зависели от добродетелей, содействовавших приобретению заслуг и почестей за время жизни. Более

того, попасть на страницы книги, как отмечает В. Короткий, – один из важных моментов спасения души. «Предмет веры постепенно становился предметом искусства; в одно слились прошлое, настоящее, будущее» [6, с. 133].

Обратим внимание и на другую, на утопическую сторону идеальных образов, созданных в художественном пространстве панегириков. Ведь понятие «идеал» – существенный конструкт утопического сознания, именно ориентация на идеал является отличительным признаком утопии. По словам Л. Сазоновой, «риторическая условность похвальной топики проявляется не только в ее устойчивости и повторяемости, но и в том, что она свободно прилагается к разным лицам, легко переносится от одного персонажа к другому, от божественного к небожественному, от бессмертного к смертному», и добавим уже от себя: от панегирика к утопии [10, с. 141]. Идеализация государственного строя, верность традициям, древность рода, патриотизм и религиозность – основные составляющие сарматской идеологии – стали «общими местами» в художественной организации панегирика. Авторы, создавая, идеальные образы государства, правителя и его подданных, ратуя за единую религию, представляли утопическую общественно-историческую сущность своих соотечественников. Так, восприятие короля только первым среди лучших, т. е. каждый представитель богатого и влиятельного рода мог рассчитывать на корону, было далеко от действительности, или чрезмерная свобода высших слоев населения, которой они так дорожили, не послужила в будущем гарантией крепкого и бесконфликтного государства. Идея о «всеобщей» религии, которую можно оправдать стремлением к внутреннему единству и согласию, также не могла иметь успеха в многоэтническом и поликонфессиональном государстве. Утопия оказывается оборотной стороной панегирика [4, с. 227].

Авторские интенции, направленные, как правило, на моделирование и обоснование идеального, гармоничного индивида в панегирическом художественном пространстве в противоположность реально существующему, можно рассматривать не только как источник представлений об этических нормах, но и как своеобразное зеркало, косвенно отражающее пороки и изъяны общества. Как справедливо отмечает Н. Слиж, если поверить в достоверность жизнеописательных качеств, приписываемых героям панегириков, «то шляхетское сословие надо было канонизировать, что, конечно, не всегда соответствовало действительности» [11, с. 275]. Безусловно, к информации в панегириках следует относиться с осторожностью, но все же не стоит забывать, что в гиперболизации добродетелей героев нет ничего ложного, неискреннего: таковы законы панегирического жанра, такова риторическая художественность. Еще Аристотель писал по этому поводу, что преувеличение справедливо используется в похвале, которая взаимодействует с понятием превосходства, в эпидейктических текстах автор «имеет дело с деяниями, признанными за неоспоримый факт; ему остается только облечь их величием и красотой» [1, с. 47].

Художественная фактура латиноязычных панегириков XVII в. реализовала еще одно явление, характерное для сарматского барокко – синтез искусств. В барочном тексте эмблема, герб, портрет, сюжетно-тематические иллюстрации, сочетание поэзии и прозы, а также диалогические отношения с историей,

религией, мифологией устанавливают идейно-стилистические параллели и участвуют в образовании художественного единства. В результате подобного сотрудничества некоторые семнадцативековые экземпляры панегириков представляют собой многоплановые произведения искусства. И если портреты, эмблемы и идейно-тематические иллюстрации присутствовали не во всех панегирических изданиях, то наличие гравировки герба на обороте титульного листа было в большинстве случаев обязательным условием. В основе интерпретации и «прочтения» гербов, геральдических композиций лежит принцип эмблематичности, который, обеспечивая символично-аллегорическую связь изображения и слова, заключался в соответствии внутриэмблемного смыслового наполнения идейно-тематическим линиям текста [2].

В отношении композиционного решения панегириков можно сказать о внутрилитературном синтезе, а именно, о сочетании поэзии и прозы. В эпоху Барокко авторы, стремясь сильнее повлиять на патетику аудитории, перемеживали прозаические структурные части произведения поэтическими цитатами, вставками или эподами. В качестве эподов могли выступать латинопольскоязычные оды или тренды. При этом содержанию стихотворных частей было характерно не только повторение но и дополнение поэтическим языком и средствами сказанного в прозе.

Художественная синтетичность панегириков проявлялась так же во внутреннем оформлении текстов, в которых «ортодоксальная» религия и *loci biblici* соседствуют с именами языческих богов, античными персонажами, мифологическими реминисценциями, мотивами и образами. Теоретик барокко М. К. Сарбевский рекомендовал авторам использовать из античного наследия лишь то, «что не противоречит учению наисвятейшей религии, от которого ему ни на волос нельзя отступить, если он хочет быть популярным» [9, с. 139].

Уместно отметить и художественную речь барочных панегириков, которая отличается пестротой, изысканностью риторических фигур, семантической полифонии, необычных и «необъятных» синтаксических конструкций. При знакомстве с текстами создается впечатление, что авторы писали одно и то же, пользуясь одними и теми же цепочками образов; этим они демонстрировали свое умение владеть художественным языком эпохи, воспроизводить варианты известного, что, в свою очередь, свидетельствовало «о несомненном росте писательского мастерства» [8, с. 23]. Эстетика барокко была нацелена на создание и отработку художественного языка, способного воздействовать на внутренний мир человека. Стремление к внешним эффектам, пышности, зрелищности, к тому, что обязательно должно сначала поразить человека, а затем *docere* – основные постулаты искусства барокко.

Резюмируя вышесказанное, скажем, что мы не претендовали на исчерпывающее освещение заданной проблематики, но выделили на наш взгляд важные маркеры. Художественность латиноязычных панегириков пропорциональна историко-культурной ситуации сарматского барокко. То, что, исходя из жанровой программы панегирика, должно было быть идеальной моделью общества, в действительности являлось перифразом существующих идеологических установок.

Тем не менее, панегирики, включающие утопическую составляющую художественности, все же имели ориентацию в будущее, чтобы и сегодня потомки имели возможность гордиться своими предками. Изображение в панегирике XVII в. выступает как одно из составных частей произведения и как конструктивный прием организации художественной целостности и восприятия произведения.

Список литературы

1. Аристотель. Риторика. Книга первая / Аристотель // Античные риторика; под ред. А. А. Тахо-Годи. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 15 – 69.
2. Божко, Т. В. Идеино-тематическое согласие изображения и слова в барочных панегириках / Т. В. Божко // Миргород. – 2017. – [В печати].
3. Божко, Т. В. Парадигма человеческих достоинств в панегирике-проповеди «Oratio in laudem Georgii Cardinalis Radzivilii, ducis olycæ & niezwiesz, & c. Episcopi Cracouien» как проводник дидактических намерений / Т. В. Божко // Антропология литературы: методологические аспекты проблемы: сб. науч. ст. В 3 ч. – Ч. 3 / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (отв. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2013. – С. 8 – 13.
4. Божко, Т. В. Утопический аспект мировосприятия авторов латиноязычных панегириков XVII века / Т. В. Божко // Истинность и ложность утопии. Вопросы утопических дискурсов: Monografia; pod red. E. Kozak, L. Mnich. – Siedlce, 2016. – Т. XXIII : Colloquia litteraria Siedlcensia. – С. 221 – 229.
5. Кароткі, У. Ад сярэднявечча да барока. Эпохі і стылі ў старажытнай беларускай літаратуры / У. Кароткі // Роднае слова. – 2006. – № 1. – С. 23 – 26.
6. Кароткі, У. «Пад слаўным каралеўскім тытулам і іменем»: прысвячэнні князёў Радзівілаў да выданняў Бібліі / У. Кароткі // Маладосць. – 2016. – № 2. – С. 133 – 135.
7. Корзо, М. А. Образ человека в проповеди XVII века / М. А. Корзо. – Москва, 1999. – 189 с.
8. Саверченко, И. В. Бесценное достояние народа / И. В. Саверченко // Памятники литературы Беларуси X – XVIII веков / сост., лит. обраб. текста, пер. на рус. яз. : И. В. Саверченко. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2013. – 464 с.
9. Сазонова, Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время / Л. И. Сазонова. – Москва : Языки славянских культур, 2006. – 896 с. : ил. – (Studia philologica).
10. Сазонова, Л. И. Поэзия русского барокко / Л. И. Сазонова. – Москва : Наука, 1991. – 261 с.
11. Сліж, Н. Мужчынскія і жаночыя вобразы ў шляхецкіх панегірыках XVI – XVIII стст. / Н. Сліж // Жінка. Образование. Демократія: Матэрыялы 3-ей міжнароднай міждyscyплін. навучна-практ. конф. (8-9 дек. 2000 г.). – Минск, 2001. – С. 275 – 278.
12. Софронова, Л. А. Человек и картина мира в поэтике барокко и романтизма / Л. А. Софронова // Человек в контексте культуры. Славянский мир / Отв. редактор И. И. Свирида. – Москва : Индрик, 1995. – С. 83 – 92.

О. Я. Фірман (Україна)

БІБЛІЙНО-ХРИСТІЯНСЬКИЙ ДИСКУРС РОМАНУ «QUID EST VERITAS?» НАТАЛЕНИ КОРОЛЕВОЇ

Інтелектуальне переосмислення визначних подій минулого завжди було об'єктом зображення історичної прози. Вона трансформувалася у жанр агіографії, хроніки, апокрифу, що було зумовлено каноном середньовічної літератури. Зго-